УДК 167.7 + 321.01

«РАЗБИТЫЕ ОКНА» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЕРАРХИЙ: БЛИЗКИЙ КОНЕЦ ВРОЖДЁННОГО ДОМИНИРУЮЩЕГО СТИЛЯ

Перевозчиков Юрий Борисович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления, аспирант кафедры философии и политологии, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: perevozchikov.yuri@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена анализу кризисных явлений в современном конвенциональном обществоведении при исследовании крупных и сложных социальных систем. Производится обоснование эпистемологических уязвимостей, ведущих к необходимости пересмотра основ традиционной институциональной методологии в социальных исследованиях.

Ключевые понятия:
теория «разбитых окон», институциональная поражённость, власть-знание, ошибка объективации, несоизмеримость.

Люди – это животные, которые любят схемы и рассказывать истории, и они неплохо рассказывают истории о схемах, даже если их нет.

М. Шермер

К. Леви-Стросс однажды заметил, что каждая цивилизация имеет тенденцию к завышенной оценке объективной достоверности своего мышления, которая как бы никогда не отсутствует [5, с. 114]. Признание равноценности различных познавательных итогов, которые он называл «наукой конкретного», станет одним из самых проросших зёрен постмодернистской традиции, мрачная тень которой, как характеризовал позже упадок романской географии марксизма П. Андерсон, легла сомнениями на привычные инструменты рациональности Модерна в первые два десятилетия второй половины XX века.

Речь, безусловно, идёт о власти-знании *(le pouvoir-savoir)* – созидателе реальности, области объектов, а также ритуалов истины относительно них [10, с. 283]. Задолго до Фуко В. Хлебников написал: *«Знание есть вид власти, а предвидение событий – управление ими»* [12, с. 8]. Данная проблема витает в гносеологии в течение долгого времени, однако, несмотря на почтенный возраст, она всё ещё нелегка для практического усвоения. Это видно невооружённым глазом на примере доминирования западных популяций институциональных теорий, которое начинает оформляться на рубеже XVII–XVIII вв. и связано, прежде всего, с именами А. Смита – создателя шотландской (классической) политической экономии, У. Джонса – отца-основателя ориентализма, и А. де Токвиля – родоначальника институциональной методологии в социальных исследованиях. Вероятно, это вехи, или осевые точки, начиная с которых все крупные социальные процессы описываются преимущественно институциональными средствами. Институциональный подход оказался великолепным приёмом рассказывать истории.

В 1958 г. Р. Уильямс, занимаясь описанием английской культуры в своём знаменитом труде «Культура и общество, 1780–1950», укажет на имманентную способность культурной гегемонии ограничивать своих творцов, что в конце концов приводит к омертвлению созидающих её сил. Он назовёт этот феномен *«врождённым доминирующим стилем» (inherent dominative mode)* [20, с. 356].

В 1976 г. Э. Саид в знаменитой книге «Ориентализм» использует фигуры Уильямса и Фуко для острейшей критики институциональных теорий востоковедения в либерально-западной матрице социальных исследований. Постструктурализм послужит триггером к появлению всё больших очагов сопротивления тому, что С. Кара-Мурза недавно назвал *«зоной модернистского фундаментализма»* [3]. Мрачный, интроспективный, делающий акцент на разрушении, он способствовал упадку протяжённых институциональных инфраструктур, которыми пользовались практически все без исключения крупные социальные теории. Дилемма несходимости номотетических и идеографических дисциплин, оформленная В. Виндельбандом и Баденской школой, на короткий промежуток времени разрешенная усилиями М. Вебера в пользу номотетической установки *Entzauberung der Welt,* к концу XX века заиграет совершенно новыми, на этот раз не сходящими красками «несоизмеримости».

Новое философское использование слова «несоизмеримость» – результат бесед П. Фейерабенда с Т. Куном на Телеграф Авеню в Беркли (около 1960 года) [14, с. 79]. Оно прозвучало набатным колоколом для традиции реализма, но его бравурное звучание долгое время было лишь отголоском в панораме социальных теорий, в то время, как метатеории сотрясались от грохота несоответствий. Лишь спустя десятилетие институциональные инфраструктуры триединой социальной науки, построенные в духе кумулятивной модели Э. Нагеля, начинают прогибаться под тяжестью дряхлеющего реализма. Нагель говорил о стабильных структурах и непрерывности. Время от времени теория Т заменяется теорией Т*. Новая теория Т* должна быть способной объяснить те явления, которые объясняются теорией Т, и, кроме того, делать все те оправдывающиеся предсказания, которые делает теория Т. В дополнение к этому, она должна либо исключать некоторую ошибочную часть Т, либо покрывать более широкий круг явлений или предсказаний. В идеале Т* делает и то, и другое. В этом случае Т* поглощает, включает в себя Т. Если Т* поглощает Т, то существует общая мера для сравнения обеих теорий. В любом случае, правильная часть Т включается в Т*. Так что мы можем метафорически говорить, что Т и Т* соизмеримы [14, с. 188]. Т. Кун и П. Фейерабенд высказывали большие сомнения, что путь развития теорий может быть описан моделью Нагеля. Т может не содержать даже языка, адекватного теоретической природе Т*, следовательно не может быть описана и поглощена средствами Т* вследствие несоизмеримостей тем (историческая методология), несоизмеримостей стилей мышления (историческая когнитивистика) и несоизмеримостей смыслов (метафизическое оснащение мышления). Р. Уильямс, уловив начало тектонических сдвигов в западной культуре в первое послевоенное десятилетие XX века, предскажет скорое «забывание врождённого доминирующего стиля». Во второй половине 60-х годов XX века в институциональных схемах начинает появляться всё большее количество «разбитых окон».

В 1982 году в ежемесячнике *The Atlantic Monthly* Дж. Уилсон и Д. Келлинг при участии Манхэттенского института политических исследований опубликовали свою знаменитую теорию «разбитых окон» (*Broken Windows Theory*). В общем виде она состоит из трёх ключевых положений:

– во-первых, «разбитые окна» неизбежно провоцируют появление внеинституциональных форм, даже если подавляющая часть сообщества придерживается общепринятых образцов;

– во-вторых, институциональное правило вторично по отношению к контексту его внедрения;

– в-третьих, развитие социального опыта в пространстве «разбитых окон» носит произвольный и самовоспроизводящийся характер, пользуясь терминологией М. Гладуэлла, социальной эпидемии [16, с. 27].

Данная теория является первоклассным инженерным образцом с богатым спектром приложений для социального конструирования, в том числе пригодным для работы в разрежённой среде высоких абстракций крупных и сложных социальных систем. Она служит прекрасным средством проверки соответствия между институциональными правилами и реальностью, на которую они посягают. «Разбитые окна» снимают лоск с нормы, которая, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, является главным поставщиком образцов, координат и объектов для реальности par excellence, регистрируя отклонения и мутации реального опыта от упорядоченных и предзаданных схем [2, с. 41]. С помощью них мы можем оценить, в какой мере институциональным образцам и их носителям свойственно «прятаться за текст» в ситуации совершенной методологической неопределённости, когда расхождение высшей и институциональной реальности начинает представлять угрозу

*Модель Нагеля представлена в [14, с.188].

для собственного самообладания. Однако проблема этих соотношений явно глубже, нежели утверждение о превращении институтов в простое нагромождение лжи.

Любая институциональная история есть достаточно сложная диалектическая связь, посредством которой реальный опыт социального агента определяется теми нормами, которым он следует, а это в свою очередь влияет на производство норм, наперёд заданных его реальным опытом. Ф. Энгельс довольно часто прибегал к этому диалектическому правилу, говоря о том, что если объекты находятся во влиянии, то это влияние взаимно и по-другому не бывает. Перефразируя Саида, книга о борьбе афинских демов за свои права может послужить причиной появления целого ряда книг на такие темы, как афинская демократия и истоки демократического устройства. Аналогичным образом, по мере того как тексты фокусируются более строго на этой теме, уже не демы как таковые, но именно демократия и формы правления, и, как можно ожидать, те советы, которые даются на этой случай, будут преувеличивать в действительности демократичность греческого полиса, вынуждая его быть демократичным, поскольку в этом и есть его (полиса) суть. В сущности, это и есть то, что мы знаем или только можем знать о нём. За институциональной нормой, претендующей на знание о чем-то действительно важном и вырастающей из определённых обстоятельств, всегда стоит определённый опыт. В ней аккумулирован авторитет академических учёных, институтов и правительств, окружая его гораздо большим престижем, чем это мог бы обеспечить ему сам по себе практический успех. Самое важное в том, что подобные нормы могут порождать не только знание, но и саму описываемую ими реальность [8, с. 98]. По мере того как растет материальное присутствие или вес треугольника Фуко (образец–знание–реальность), взаимность институциональной истории и высшей реальности становится весьма односторонней, где последняя отныне перестаёт являться свободным предметом мышления или деятельности. Появляется возможность справляться с реальностью институциональными средствами. Современный кризисный мир пестрит беседами о легитимности – предельно институциональном феномене.

Реальность начинает сводиться к векторному полю различных институциональных взаимодействий, где для пограничных или не регистрируемых официальной теорией практик, к которым, как правило, относятся, согласно И. Валлерстайну, зоны «полупериферии» и «периферии» капиталистической системы, были придуманы специальные обозначения в качестве «неформальных институтов» (НИ). В 2003 году довольно известным событием в популяции институциональных теорий стала публикация Г. Хелмке и С. Левицки *«Informal Institutions and Comparative Politics: a Research Agenda»*, демонстрирующая модель неформальных взаимодействий по всему миру, которые существенно превосходят по своему значению формальные институты (ФИ) [18].

Неформальные институты появляются тогда, когда производят отличный от формального и, вместе с тем, более подробный социальный итог. В ином случае необходимость в них отсутствует (см. табл. 1).

Таблица 1

Генезис неформальных институтов

ФИ (+НИ) = X	**0**
ФИ (– НИ) = X	
ФИ (+НИ) = Y	**1**
ФИ (– НИ) = X	

Соотношение формального института с неформальным определяет его типологию *(см. табл. 2)*.

Таблица 2

Типология неформальных институтов

	Эффективные ФИ	Неэффективные ФИ
Цели совместимы	*Дополнение*	*Замещение*
Цели различны	*Приспособление*	*Конкуренция*

Модель Хелмке-Левицки несколько преодолела «усталость» общей институциональной теории, сместив акценты в сторону теневой динамики социальных процессов, которые не наблюдали в рамках нескольких ревизий англо-саксонских структурно-функциональных *(Merton, 1949; Parsons, 1969; Easton, 1953; Almond, 1966)*, бихевиоральных *(Merriam, 1934; Lasswell, 1947; Verba, 1963; Almond, 1980)* и модернизационных равновесных схем (*Shils, 1952; Dahl, Lindblom, 1953; Rostow, 1960; Huntington, 1968; Pye, 1962*), начиная с классической модели *polity* М. Вебера. Как бы то ни было, построенная на традиционной институциональной механике, она также продемонстрировала весьма ограниченный запас хода, столкнувшись с недостатком инструментария для сравне-

ния произвольного спектра переходов и соотношений формальных и неформальных социальных историй. Авторы, признавая это, отмечают необходимость проведения полноценного междисциплинарного среза для повышения фертильности теории, однако перечисленные средства экономики, социологии, права, политической психологии, имея всю ту же сквозьинституциональную логику обособленности и иерархии своего объекта, не только не способствуют «альтруизму» теории, но и в полной мере препятствуют ему [18, с. 734].

Прежде всего, речь идет об испещрении социальной реальности особенными сепарирующими сферами: политической, экономической и социокультурной. В каждой из этих сфер формируются определённые правила познания, выстраивающие иерархию познаваемого в соответствии со своей внутренней логикой, что приводит к вынужденным противоречиям и конфликтам между ними. В результате на выходе вместо одного наблюдаемого прецедента в отдельно взятом пространственно-временном срезе, мы получаем сразу несколько совершенно обособленных сюжетов, стремящихся к своему воспроизводству и приумножению, которые к тому же перекрывают друг друга. Весьма сомнительная выгода для эпигонов принципа экономии мышления, к которым причисляли себя усердные создатели конвенциональной триады со строго очерченным исследовательским полем – позитивисты.

Институциональные построения очень часто предстают перед исследователем в качестве инертных фактов природы. Валлерстайн не раз отмечал, с какой настойчивостью либеральная фри-трейдеровская модель Великобритании представляла себя без каких-либо дел для создателя, со слов Ч. Тилли, соединив мир «густой сетью обмена и господства» [19, с. 1]. Длительные интеллектуальные и материальные инвестиции сделали экономику, социологию и политическую науку как системы знания, рукотворное тело теории и практики о законах функционирования рынка, гражданского общества со свободным типом личности, публичной политики и государства признанным фильтром, через который разработанные образцы западных интересов проникали в разные социальные системы, нивелируя пагубную для их гегемониальных устремлений разность социальных процессов. Универсальность и неизбежность институциональных закономерностей придавала необычайный темп бурному завоеванию классической триадой всемирной истории, а точнее – превращению истории во всемирную. В своей статье *«Глобализация и историческая макросоциология»* Д. Арриги прямо указывает на то, что «на протяжении всей современной эпохи институциональные конфигурации западных государств внутри и между собой были в значительной степени сформированы под влиянием их взаимодействия с «незападным» миром» [1, с. 69]. По словам Саида, мало кто замечал, что исследования Вебера по иудаизму, буддизму и конфуцианству привели его к фундаментальному понятию «типа». В течение более чем шестидесяти лет веберианская социология господства использовалась для дескрипции социальной генетики обществ любого типа. Она находилась в ядре построений Лумана, Хабермаса, Парсонса и других авторов широко растиражированных в настоящее время универсальных равновесных схем.

Вебер считал, что лучшим средством справиться с «хаосом экзистенциальных суждений» является поиск эквивалентов протестантской этике в других социальных укладах. Он полагал, что такой связующей нитью между западными и восточными обществами является патриархализм как тип родового господства. Социальная фигура главы рода в обоих случаях обладала дискреционной властью над ритуалами, правосудием, домохозяйством в той же манере, в какой это происходило и в государственных институтах [17, с. 402]. Протестантская этика строилась на античной формуле *«patria potestas»* – «власти отца». Важнейшим же компонентом конфуцианской культуры является *«сяо»* – «сыновняя почтительность», которой посвящён один из семи канонических текстов конфуцианства «Сяо Цзин» («Канон сыновнего благочестия»). Один из главных аргументов Вебера заключался в том, что это соизмеримые ценностные установки, которые открывали дорогу его идеальным типам. Вебер, как замечает Хакинг, будучи «настороженным по отношению к натуралистическому предрассудку о том, что цель общественных наук заключается в сведении реальности к законам, весьма скептически относился к вещам, не имеющим причинной силы» [14, с. 52]. Только в 1984 году американский китаист Г. Гамильтон смог отыскать «разбитое окно» в этой концепции. Он указал на очевидную генетическую разницу протестантского и китайского патриархализма. В первом случае мы имеем дело с моде-

лью субъект-субъектного функционального личностного подчинения сына своему конкретному отцу, а во-втором – с несубъектным, безличностным, субстанциональным выполнением сыновней роли. Мир отцов и сыновей против мира только сыновей, где старший и главный – Сын Неба, т.е. Император [13, с. 9]. Д. Адамс прямо говорит о том, что у Вебера не было понятийного аппарата, который бы позволил ему сконструировать базис всех разрешений социального господства [15, с. 237]. Это один из многих примеров масштабной кампании за реконструкцию контекстов, затушёванных прежде господством институциональных иерархий.

Любая институциональная теория исходит из первенства суверенных иерархий в структурах социальных взаимодействий. Д. Норт выразил это следующим образом: институты есть «правила игры», организующие взаимоотношения между людьми и задающие структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия, где институциональные изменения является ключом к пониманию исторических перемен [7, с. 17]. Во многом именно это позволяет считать институциональный подход самым полным эквивалентом научной программы марксизма, удовлетворяющим в той же мере принципам системности и историчности человеческой природы. Более того, как признаёт Валлерстайн, именно институциональная триада, став мейнстримом социальной науки, утопила марксизм в своей редукционистской модели, в определённом смысле усилив себя [2, с. 30]. Но обо всём по порядку.

Л. фон Мизес предупреждал о том, что «склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, – худший враг логического мышления» [4]. Мизес, сам по себе, есть ещё один причудливый пример (наряду с Поппером) в описании Талеба интересной «проблемы генетики», которая состоит в том, что «мы любим высказывать логичные и рациональные идеи, но не обязательно наслаждаемся их выполнением» [9, с. 142]. По-видимому, среди исследователей, сосредоточенных на экономическом детерминизме, мир действительно зачастую выглядит частным случаем*. Могут ли «правила игры» обладать столь фундаментальными причинными силами?

С. Дж. Гоулд, кроме того, что он считается одним из влиятельнейших историков науки, возможно, вторым по значимости после Куна, был выдающимся учёным (чем могут похвастаться немногие историки науки), указывающим на следующую главную уязвимость: реализма относительно теорий – ошибку «объективации». Он призывал очень настороженно относится к теории и её объектам в том случае, если она использует совокупность методов, одинаково конституирующих одно и то же явление, но не содержит адекватных соображений о том, почему так происходит. Например, определение ислама. Если посмотреть традиционные определения ислама в учебниках (например, в [6, с. 134–158]), то ислам в них определяется как недифференцированное единство религии (1), политики (2) и права (3). Возникает вопрос: если это – недифференцированное единство, то на каких основаниях используются дифференцирующие референты (1), (2) и (3)? Прав Саид, считающий ислам образом, чья функция состояла не столько в том, чтобы репрезентировать ислам сам по себе, сколько в том, чтоб репрезентировать его для западного мировоззрения, демонстрирующего очевидную институциональную «поражённость»** [8, с. 95]. Во многом благодаря соображениям критики «зрительской» теории знания *(spectator theory of knowledge)* Дьюи и одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе, институциональный детерминизм следует скорее рассматривать как попытку вмешательства в мир, нежели чем как акт его представления в словах и мышлении. По этой линии традиционно сосредоточены основные силы противников реализма относительно объектов.

Центральное место в системе воспроизводства институциональной реальности занимает антиципация, т.е. объективация итога социального действия до момента его свершения. Однако, как в разное время замечали Л. Леви-Брюль (до-логические партиципации), К. Леви-Стросс (бриколаж), К. Лоренц (органические следствия обыденности) и Э. Саид (имагинативность), объектам, местам или временам приписываются роли и придаются смыслы, кото-

*Один из экономических законов Мерфи, получивший название «наблюдения Хонгрена».

**Этим словосочетанием я обязан Чезаре Ламброзо, поскольку заимствовал смысл его конструкции «преступной пораженности» – фенотипа, свидетельствующего об изначальной склонности к совершению преступления. Оно означает предельно возможную степень детерминированности социальной реальности как совокупности институциональных взаимодействий в отдельно взятом обществе.

рые обретают объективную достоверность лишь после того, как операция уже проделана [8, с. 85]. Другими словами, в том, как происходят те или иные объективации, присутствует доля чистого произвола, и их нельзя предсказать рационально. Вслед за ними заявленные Нортом структуры побудительных мотивов, если удастся дойти до их происхождения, вероятно, обнаружат в себе ту же долю произвола, как например, в случае со спонтанным захватом португальского судна «Санта-Катарина» Ван Хемскерком в 1603 г., приведшего к концептуализации Гроцием основ европейской правовой системы. Таким образом, институты по существу выступают лишь произвольными артефактами препарирования, «гипостазированными предикатами» (С. Соловьёв), а не универсальными практиками, призываемыми к жизни единым комплексом причинных сил, движущими силами, тенденциями и т.д. Р. Фейнман однажды заметил, что история идей складывается из случайной последовательности событий, и если мы хотим развернуть её вспять, чтобы получить новый способ её рассмотрения, это ничего не изменит, история уже никогда не повторится.

Следует ли из этого, что существующая институциональная матрица производит фиктивную достоверность? И да, и нет. Во многом институты сегодня действительно являются источником навязанных противоречий в социальных исследованиях, поскольку зачастую имеют дело уже с «ржавеющими» иерархиями (фон Вригт), уходящими в прошлое с *longue duree* капиталистической системы. С другой стороны, уход исследователя из области крупных и сложных социальных систем, от триады Тилли «*big structures, large processes, huge comparisons*» делает невозможным и ненужным теоретический анализ. К большому сожалению, эти процессы неплохо дополняют друг друга, как замечают некоторые исследователи, во многом повторяя сюжеты поздней схоластики. После непродолжительного успеха в «*Les Trente Glorieuses*» Ж. Фурастье (1945–1975 гг.) над существующей эпистемой вновь сосредоточилась прямая и явная угроза проблемы индукции.

1. Арриги, Д. Глобализация и историческая макросоциология [Текст] / Д. Арриги // Прогнозис. 2008. № 2. С. 57–72.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Валлерстайн, И. В терминах традиционной науки я – еретик [Текст] / И. Валлерстайн // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 27–31.

4. Кара-Мурза, С.Г. В защиту постмодернизма [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. URL: http://problemanalysis.ru/mission/kolonka-kara-murzi/kolonka-kara-murzi_120.html (дата обращения: 16.05.2014).

5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Мурза / Библиотека Альдебаран. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_manipulyaciya_soznaniem (дата обращения: 17.05.2014).

6. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. М.: Республика, 1994. 384 с.

7. Нерсесянц, В.С. История политических и правовых учений: Учебник для вузов [Текст] / под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.

8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

9. Саид, Э. Ориентализм [Текст] / Э. Саид. М.: Русский мир, 2006. 636 с.

10. Талеб, Н. Одураченные случайностью. Скрытая роль Шанса на Рынках и в Жизни [Текст] / Н. Талеб. М: Интернет-трейдинг, 2007. 248 с.

11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

12. Фурсов, А. О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория [Текст] / А. Фурсов // Русский исторический журнал. 1998. № 2. С. 335–429.

13. Фурсов, А. «Нормальная наука» versus «аналитика». Особенности состояния современного знания о мире [Текст] / А. Фурсов // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 8–24.

14. Фурсов, А.И. Операция «Ориентализм» [Текст] / А. Фурсов. М.: Гуманитарий, 2004. 55 с.

15. Хакинг, Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук [Текст] / Я. Хакинг. М.: Логос, 1998. 296 с.

16. Adams, D. The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Modern Europe [Текст] / D. Adams / Max Weber's economy and society: a critical companion. Stanford University Press. 2005. 387 p.

17. Gladwell, M. The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big difference [Текст] / M. Gladwell. Little, Brown and Company, 2000. 288 p.

18. Hamilton, G.H. Patriarchalism in Imperial China and Western Europe: A revision of Weber's sociology of domination [Текст] / G.H. Hamilton // Theory and society. Amsterdam, 1984. № 3. P. 393–425.

19. Helmke, G. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda [Текст] / G. Helmke, S. Levitsky // Perspectives on Politics. 2004. P. 725–740.

20. Tilly, C. Globalization Threatens Labor's Rights [Текст] / C. Tilly // International Labor and Working Class History. 1995. № 47. P. 1–23.

21. Williams, R. Culture and society, 1790–1950. Anchor Books [Текст] / R. Williams. New York, 1960. 375 p.

References

1. Arrigi D. *Prognozis*, 2008, no. 2, pp. 57–72 (in Russian).
2. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija* [Social construction of reality. Treatise on cognitive sociology]. Moscow, Medium, 1995, 323 p. (in Russian).
3. Vallerstajn I. *Voprosy obrazovanija,* 2006, no. 4, pp. 27–31 (in Russian).
4. Kara-Murza S.G. V *zashhitu postmodernizma* [To protect postmodernism], available at: http://problemanalysis.ru/mission/kolonka-kara-murzi/kolonka-kara-murzi_120.html (accessed 16 May 2014) (in Russian).
5. Kara-Murza S.G. *Manipuljacija soznaniem* [Conscience manipulation], available at: http://lib.aldebaran.ru/author/karamurza_sergei/karamurza_sergei_manipulyaciya_soznaniem (accessed 17 May 2014) (in Russian).
6. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primeval thinking]. Moscow, Respublika, 1994, 384 p. (in Russian).
7. Nersesjanc V.S. *Istorija politicheskih i pravovyh uchenij. Uchebnik dlja vuzov* [History of political and law studies: manual for high schools]. Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russian).
8. Nort D. *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutes, institutional changes and economy function]. Moscow, Fond jekonomicheskoj knigi "Nachala", 1997, 180 p. (in Russian).
9. Said Je. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow, Russkij mir, 2006, 636 p. (in Russian).
10. Taleb N. *Oduraschennye sluchajnost'ju. Skrytaja rol' Shansa na Rynkah i v Zhizni* [Fooled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets]. Moscow, Internet-trejding, 2007, 248 p. (in Russian).
11. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Supervise and punish. Born of prison]. Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russian).
12. Fursov A. *Russkij istoricheskij zhurnal,* 1998, no. 2, pp. 335–429 (in Russian).
13. Fursov A. *Svobodnaja mysl',* 2013, no. 2, pp. 8–24 (in Russian).
14. Fursov A. I. *Operacija «Orientalizm»* [Operation «Orientalism»]. Moscow, Gumanitarij, 2004, 55 p. (in Russian).
15. Haking Ja. *Predstavlenie i vmeshatel'stvo. Vvedenie v filosofiju estestvennyh nauk* [Representation and intervention. Introduction to philosophy of natural sciences]. Moscow, Logos, 1998, 296 p. (in Russian).
16. Adams D. *The Rule of the Father: Patriarchy and Patrimonialism in Early Modern Europe. Max Weber's economy and society: a critical companion. Stanford University Press,* 2005, 387 p. (in English).
17. Gladwell M. *The Tipping Point: How Little Things Can Make a Big difference. Little, Brown and Company,* 2000, 288 p. (in English).
18. Hamilton G.H. *Theory and society. Amsterdam,* 1984, no. 3, pp. 393–425 (in English).
19. Helmke G., Levitsky S. *Perspectives on Politics,* 2004, pp. 725–740 (in English).
20. Tilly C. *International Labor and Working Class History,* 1995, no. 47, pp. 1–23 (in English).
21. Williams R. *Culture and society,* 1790–1950. Anchor Books. New York, 1960, 375 p. (in English).

UDC 167.7 + 321.01

«BROKEN WINDOWS» OF INSTITUTIONAL HIERARCHIES: THE IMMINENT END OF THE INHERENT DOMINATIVE MODE

Perevozchikov Yury Borisovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Ural Institute of Administration (Branch),
Post-graduate Student of the Chair of Philosophy and Political Science,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: perevozchikov.yuri@yandex.ru

Annotation
The article is devoted to the analysis of the crisis phenomena in modern conventional social science in the study of huge and complex social systems. It proves the rationale epistemological vulnerabilities leading to a revision of the foundations of traditional institutional methodology in the social research.

Key concepts:
«broken windows» theory, institutional affection, power-knowledge, fallacy of objectivization, incommensurable.